

“ПРОКЛЯТИЕ АЛОЙ НИТИ”

Кира А.

Проклятие алой нити

<https://litres.ru/74295807>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Проклятие алой нити»: когда магия становится проклятием

В королевстве Веренхорн магия — не дар, а приговор: каждое её проявление отнимает жизненные силы. Принцесса Мираэлла, способная видеть истинные намерения людей, оказывается в центре заговора: верховный маг лорд Ваэрион готовит ритуал, который уничтожит слабых наследников — в том числе и её.

После загадочной болезни короля Мираэлла бежит из дворца с капитаном Элианом и при поддержке принца Каэрона. Ей предстоит раскрыть тайны династии, остановить заговор и сделать выбор между долгом и сердцем.

«Проклятие алой нити» - первая книга захватывающего фэнтези-цикла, где власть переплетена с магией, а каждое решение может стоить жизни. Готовы ли вы окунуться в мир, где сила сжигает изнутри, а доверие — самый редкий и ценный ресурс?

Содержание

Глава 1 Тень в библиотеке	4
Глава 2 Холод материнской любви	37
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Кира Ма. А.

Проклятие алой нити

Глава 1 Тень в библиотеке

—Дворец Веренхорн не спал — он затаился, будто прислушивался к каждому шороху. В коридорах тянулись длинные тени, и казалось, что сами стены втягивают головы, стараясь не выдать того, что здесь творилось днём. Мираэлла шла, прижимаясь к холодной каменной кладке, и старалась дышать тише: в этом дворце даже вздох мог стать уликой. Она знала: быть здесь сейчас — опасно. Но после утреннего приёма, где королевамать с ледяной точностью перечислила все её недостатки, а сестра Лира добавляла язвительные штрихи, словно дорисовывая портрет её несостоятельности, Мираэлле нужно было хоть на миг вырваться из этой удушающей вежливости.

Королевская библиотека всегда была её убежищем. Здесь пахло старой бумагой, воском и чемто ещё — тишиной, которая не судила. Тяжёлые дубовые двери поддались с тихим скрипом, и Мираэлла скользнула внутрь, закрыв за собой створку так осторожно, будто боялась разбудить сами книги.

В темноте полки казались рядами молчаливых свидетелей. Она зажгла маленький светильник, и пламя дрогнуло,

выхватывая из мрака корешки томов, покрытые пылью времени. Отец говорил, что в книгах прячется не только знание, но и память. Мираэлла надеялась, что сегодня память подскажет ей, как не сломаться.

За дальним шкафом, почти спрятанный в нише, стоял небольшой ларец. Он был не из дорогих — без золота и драгоценных камней, лишь тёмное дерево и узор из переплетённых нитей, будто кто-то выжег на крышке саму суть запутанных судеб. Мираэлла не помнила, чтобы видела его раньше, но что-то внутри подсказывало: он ждал именно её.

Когда её пальцы коснулись крышки, алая нить на запястье вспыхнула. Не просто потеплела, как бывало, когда рядом звучала ложь, — она обожгла кожу, словно выкрикнув: «Остановись!» Но Мираэлла уже не могла. Она подняла крышку.

Внутри лежал тонкий свиток, перевязанный алой лентой, и маленький кристалл, похожий на застывшую каплю крови. Едва она взяла кристалл, перед глазами всё поплыло.

Трон в крови. Золото потемнело, будто его коснулась сама тьма. На троне сидела её тень — спокойная, холодная, с лицом, которое было её лицом, но без единой искры сомнения. Рядом стоял лорд Ваэрион, и в его взгляде не было ни страха, ни вины — только удовлетворённость. Тень Мираэллы подняла руку, и зал наполнился шёпотом: «Так должно быть».

Видение оборвалось резко, как будто кто-то задул свечу. Мираэлла пошатнулась, вцепившись пальцами в край сто-

ла, чтобы не упасть. Сердце колотилось где-то в горле, а алая нить всё ещё пульсировала, будто пыталась выжечь из неё этот образ.

— Если тебя здесь найдут, это станет ещё одним поводом назвать тебя недостойной.

Голос прозвучал негромко, но в тишине библиотеки он ударил, как щелчок хлыста. Мираэлла резко обернулась. Из полумрака вышел капитан Элиан. Его мундир был безупречен, как и всегда, но в глазах читалась усталость человека, который слишком долго стоял на страже.

А в другом крыле дворца, куда не долетал даже шёпот библиотеки, паркет всё ещё хранил отголоски парадных шагов. Там, где свет был ярким и почти агрессивным, зеркала не показывали видений — они отражали только то, что хотели видеть хозяева. Именно туда, в свои покои, вернулась Лира.

Она остановилась перед большим зеркалом в резной раме, но не увидела в нём себя. Вместо этого на мгновение в стекле мелькнула Мираэлла — спокойная, решительная, с алой нитью, горящей на запястье, как знак избранности.

— Нет, — прошептала Лира, чувствуя, как внутри поднимается не просто обида, а острая, колючая несправедливость. — Это неправда.

Она резко ударила ладонью по стеклу. Зеркало не разбилось, но по его поверхности побежали тонкие трещины, складываясь в узор, напоминающий алую нить. И в тот самый миг, когда по зеркалу Лире пробежала эта паутина тре-

щин, в библиотеке Элиан шагнул из темноты, и сталь его клинка тихо звякнула, отзываясь на напряжение момента. Казалось, дворец сам связал эти два удара — один из ярости, другой из осторожности — в единый, тревожный ритм.

— Ты следил за мной? — выдохнула Мираэлла, пытаясь унять дрожь в голосе.

Он чуть склонил голову, не подтверждая и не отрицая.

— Я знал, куда ты пойдёшь. Здесь ты всегда ищешь ответы.

Мираэлла хотела спрятать кристалл, но поняла, что поздно: он уже видел.

— Что это было? — спросила она, и в этом вопросе было больше страха, чем она хотела показать. — Я видела... себя. Но не себя. И лорда Ваэриона.

Элиан подошёл ближе, но остановился в шаге, будто боялся спугнуть её, как испуганную птицу.

— Иногда прошлое и будущее сплетаются в таких местах, — тихо сказал он. — Старые вещи хранят отголоски.

— Это не отголосок, — прошептала Мираэлла, сжимая кристалл так сильно, что острые грани впились в ладонь. — Это было... обещание. Или угроза.

Алая нить снова вспыхнула, на этот раз не обжигая, а словно успокаивая: «Ты не одна». Мираэлла подняла глаза на Элиана и вдруг поняла, что впервые за долгое время ей не хочется прятать свои страхи.

— Королевамать сегодня сказала, что я слишком мягкая,

— тихо произнесла она, почти стыдясь этих слов. — Лира смеялась. А отец... он хотел что-то сказать, но не успел. Его снова увёл лорд Ваэрион.

Элиан не стал говорить пустых утешений. Он просто кивнул, признавая её боль.

— Мягкость — не слабость, — сказал он ровно. — Но в этом дворце её принимают за неё.

Мираэлла горько усмехнулась.

— Значит, я обречена быть неправильной. Для всех.

Из темноты между полками донёсся тихий звук — лёгкий шорох, будто кто-то задел корешок книги и тут же замер. Оба замерли. В библиотеке не должно было быть никого, кроме них.

— Останься здесь, — прошептал Элиан, вынимая клинок из ножен. Он двинулся вперёд, растворяясь в тенях, оставляя Мираэлле одну — но не беззащитной, потому что он был рядом.

Она хотела позвать его, сказать, чтобы был осторожнее, но слова застряли в горле. Вместо этого она посмотрела на кристалл в своей руке. В его глубине снова мелькнуло отражение — на этот раз не трон, а ряд старинных зеркал, стоящих в заброшенном зале. В одном из них её тень подняла руку и указала куда-то в сторону, туда, где, казалось, не было ничего, кроме глухой стены.

«Там», — шепнуло отражение. И исчезло.

Мираэлла сунула кристалл в карман, схватила светильник

и, стараясь ступать бесшумно, пошла за тенью — не потому что верила в неё, а потому что не верила, что у неё есть другой путь.

Коридоры за пределами библиотеки были холоднее, будто сам дворец не хотел пускать её дальше. Она шла, ориентируясь на смутные воспоминания о старых планах дворца, которые когда-то мельком видела в отцовских бумагах. Наконец она оказалась перед тяжёлой портьерой, скрывавшей неприемлемую дверь.

Дверь была чуть приоткрыта. Мираэлла замерла, прислушиваясь. Тишина. Только где-то далеко, почти неслышно, капала вода.

Она толкнула дверь.

Зал был маленьким и давно заброшенным. Пыль лежала на полу толстым слоем, и на нём не было ни одного следа, кроме её собственных. Но вдоль одной стены стояли зеркала — десятки зеркал в потемневших рамах. Некоторые были треснуты, другие потемнели от времени, но все они смотрели на неё, как пустые глаза.

Мираэлла подошла к ближайшему и заглянула в него.

Сначала она увидела себя: бледную, с тёмными кругами под глазами, с волосами, выбившимися из причёски. Но потом отражение дрогнуло. Её лицо на мгновение стало старше, жёстче, а в глазах появилась та самая холодная уверенность, которую она видела в видении. Тень рядом с ней шевельнулась и подняла руку.

И в этот раз Мираэлла поняла: тень не указывала на дверь. Она указывала на саму себя.

— Ты видишь то, что может быть. Или то, что должно быть.

Голос раздался не из зеркала, а позади неё. Мираэлла резко обернулась. В дверях стоял лорд Ваэрион.

Его мантия струилась, как тень, а глаза — холодные, светлые, почти прозрачные — смотрели прямо на неё. В каждом его движении чувствовалась власть, выкованная годами службы и знанием тайн, которые могли сломать обычного человека.

Тем временем в покоех Лиры в каждой трещине зеркала мерцали тусклые отсветы свечей, будто пытаясь удержать ускользающее видение. Лира смотрела на них, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Они повторяли узор алой нити — словно дворец сам подсказывал, где сейчас важнее всего быть. И в тот миг, когда одно из зеркал в заброшенном зале тихо звякнуло, отзываясь на присутствие Ваэриона, Лира вдруг поняла: все эти отражения — не просто фокусы магии. Это карта ходов, по которым двигаются фигуры.

— Лорд Ваэрион, — выдохнула Мираэлла, невольно отступая на шаг. Кристалл в кармане будто потяжелел, а алая нить на запястье снова вспыхнула, на этот раз не просто предупреждая, а крича об опасности.

— Не бойся, — произнёс он, но в этом слове не было тепла. — Страх — плохой советчик, когда имеешь дело с исти-

ной.

— Что вы здесь делаете? — Голос Мираэллы дрогнул, но она заставила себя говорить твёрже. — Этот зал давно заброшен.

Ваэрион чуть склонил голову, будто оценивая её попытку держаться достойно.

— Как и многие истины, принцесса. Их прячут там, где никто не хочет смотреть.

Он сделал шаг вперёд, и зеркала вдоль стены тихо звякнули, словно отозвались на его присутствие. В каждом из них мелькнули странные образы: не отражения, а обрывки сцен. Мираэлла увидела королевумать, склонившуюся над каким-то свитком; Лиру, шепчущую что-то на ухо незнакомому человеку; отца, сжимающего виски от боли.

— Они показывают правду, — спокойно сказал Ваэрион, проследив за её взглядом. — Или то, что кто-то хочет, чтобы ты считала правдой. Разница бывает тоньше лезвия.

— Зачем вы мне это показываете? — прошептала Мираэлла. — Вы ведь знаете, что я не верю вам.

Лорд Ваэрион едва заметно улыбнулся — не тепло, а как человек, который привык к недоверию.

— Потому что ты — единственная, кто может увидеть разницу. Твоя нить... она не просто реагирует на ложь. Она чувствует искажения. И именно поэтому ты опасна. Для тех, кто хочет, чтобы мир оставался таким, как им удобно.

Мираэлла покачала головой, пытаясь унять нарастающую

панику.

— Я не хочу быть опасной. Я просто хочу понять, что происходит с отцом. Почему он слабеет. Почему все вокруг... словно ждут чего-то.

— Потому что они знают, — тихо произнёс Ваэрион. — Знают, что магия рода слабеет. И что единственный способ её вернуть — провести ритуал очищения.

Эти слова ударили сильнее пощёчины. Мираэлла вспомнила обрывки видений: трон в крови, её тень, отдающая приказы.

— Очищения? — переспросила она, чувствуя, как внутри всё сжимается. — От чего?

— От всего, что ослабляет род, — спокойно ответил он. — От сомнений. От мягкости. От тех, чья кровь... недостаточно чиста.

Алая нить вспыхнула так ярко, что на мгновение осветила весь зал. Мираэлла прижала руку к груди, пытаясь унять боль.

— Вы говорите о жертвах, — прошептала она. — О людях.

— О будущем династии, — поправил он. — Иногда одно невозможно без другого.

Мираэлла отступила ещё на шаг, пока не упёрлась спиной в холодную стену.

— Мой отец никогда бы не согласился на такое.

— Твой отец слишком долго пытался спасти всех, — го-

лос Ваэриона стал жёстче. — И посмотри, к чему это привело. К слабости. К болезни. К тому, что трон может пасть.

— А вы хотите его спасти любой ценой, — тихо сказала Мираэлла, и внезапно всё встало на свои места. — Даже если для этого придётся пожертвовать теми, кто вам мешает.

Ваэрион не стал отрицать. Он просто смотрел на неё, и в его глазах она видела не злодея из сказок, а человека, убеждённого в своей правоте. И от этого становилось ещё страшнее.

— Цена бывает высокой, — произнёс он наконец. — Но разве лучше позволить всему рухнуть?

Мираэлла сжала кулаки, чувствуя, как кристалл в кармане впивается в бедро.

— Лучше искать другой путь.

— Другого пути нет, — спокойно ответил он. — Или ты не видишь всей картины.

В этот момент одно из зеркал треснуло с резким звуком, похожим на выстрел. Оба вздрогнули. В трещине мелькнуло новое видение: не прошлое и не будущее, а что-то третье. Мираэлла увидела себя, стоящую перед собранием знати. Её лицо было спокойным, почти холодным, а рядом с ней... стоял капитан Элиан, но не как защитник, а как её союзник. А напротив них — Лира и королевамать, полные ярости.

Видение исчезло так же внезапно, как появилось. Зеркало рассыпалось на мелкие осколки и упало на каменный пол.

— Интересно, — пробормотал Ваэрион, глядя на оскол-

ки. — Очень интересно.

— Что интересно? — Мираэлла почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— То, что зеркала показали тебе не врага, — сказал он, поднимая взгляд. — А путь. И союзника.

— Элиан не будет участвовать в вашем ритуале, — резко сказала Мираэлла.

— Возможно, — спокойно ответил Ваэрион. — Но он будет участвовать в судьбе этого королевства. Как и ты. Вопрос лишь в том, на чьей стороне вы окажетесь в решающий момент.

Прежде чем Мираэлла успела ответить, из коридора донёсся звук шагов. Чёткие, уверенные, знакомые.

Это был Элиан.

Он появился в дверях, держа клинок наготове. При виде Ваэриона его лицо окаменело.

— Уберите руки от принцессы, — произнёс он ровным, опасным голосом.

Ваэрион даже не вздрогнул. Он лишь слегка склонил голову.

— Капитан. Рад видеть, что вы так преданно исполняете свои обязанности.

— Мои обязанности — защищать принцессу, — холодно ответил Элиан. — От всех, кто может ей навредить. Даже от тех, кто носит высокие титулы.

Ваэрион усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Благородно. Но, боюсь, благородство не спасёт королевство от гибели.

— Спасёт верность, — твёрдо сказал Элиан, не сводя глаз с мага. — И правда.

Мираэлла перевела взгляд с одного на другого. Воздух между ними стал густым, как перед грозой, и каждый вдох давался тяжелее. Алая нить пульсировала, но теперь она не указывала на ложь — она чувствовала столкновение двух убеждений, двух правд, которые не могли ужиться друг с другом.

— Довольно, — резко сказала Мираэлла, сама удивившись твёрдости своего голоса. — Я не стану пешкой в вашей игре. Ни для спасения королевства, ни для чеголибо ещё.

Оба мужчины посмотрели на неё. В глазах Элиана мелькнуло облегчение, смешанное с гордостью. Во взгляде Ваэриона — что-то похожее на уважение.

— Хорошо, — тихо произнёс маг. — Тогда пусть будет так. Но помни, принцесса: когда буря начнётся, спрятаться не удастся никому. Даже тем, кто этого хочет.

С этими словами он развернулся и ушёл, оставив после себя лишь лёгкий запах благовоний и ощущение чего-то неизбежного.

Когда его шаги затихли, Элиан опустил клинок и подошёл к Мираэлле.

— Ты в порядке? — спросил он, и в этом простом вопросе было столько заботы, что у неё на мгновение защемило в

глазах.

— Да, — кивнула она, хотя это было неправдой. — Нет. Но я справлюсь.

Он не стал делать вид, что всё хорошо. Просто протянул руку.

— Тогда давай уйдём отсюда. Здесь слишком много теней.

Мираэлла вложила свою ладонь в его. Его пальцы были тёплыми и твёрдыми, и это тепло немного прогоняло холод, сковывавший её изнутри.

Они шли обратно по коридорам, и теперь дворец казался не просто холодным — он был чужим. Мираэлла смотрела на портреты предков, висевшие на стенах, и думала о том, что каждый из них когда-то стоял перед выбором. И никто не знал, правильный ли он сделал.

Когда они добрались до крыла, где располагались её покои, Элиан остановился.

— Тебе лучше остаться сегодня не здесь, — тихо сказал он. — В твоих комнатах могут быть... нежелательные гости.

— Где же мне тогда быть? — устало спросила Мираэлла.

— Со мной, — просто ответил он. — В казармах. Там безопасно. И никто не посмеет тебя тронуть.

Мираэлла хотела возразить — это было бы скандалом, нарушением всех правил приличия. Но потом вспомнила взгляд Ваэриона, слова о ритуале, видения в зеркалах. И поняла, что правила больше не защищают её.

— Хорошо, — кивнула она. — Спасибо.

Элиан чуть склонил голову, словно принимая не благодарность, а ответственность.

— Пойдём, — сказал он и повёл её по узким служебным коридорам, туда, где не ходили придворные и где тени не казались такими живыми.

Мираэлла коснулась кармана, где лежал кристалл. Он больше не светился, но она чувствовала его тяжесть — как напоминание о том, что теперь её путь изменился. И назад дороги не было.

Пока Мираэлла и Элиан шли по тёмным служебным коридорам, в другом крыле дворца всё ещё кипела жизнь.

В покоях принцессы Лиры горели свечи, хотя час был уже поздний.

Сидя на холодном полу, Лира пыталась унять дрожь. Это была не только злость. Это была старая, глубоко спрятанная обида, которая теперь прорвалась наружу.

«Отец всегда говорил, что трон требует жёсткости. Он учил меня стратегии, политике, искусству переговоров, но никогда не говорил: Ты будешь править. Он говорил: «Ты должна быть готова, если что-то случится». Как будто трон был не её правом, а обязанностью, которую на неё возложат в случае катастрофы.

А Мираэлла... Мираэлла просто была. Улыбалась, жале-ла, просила за других — и отец смотрел на неё так, будто в ней было всё, чего не хватало королевству. *«У неё доброе сердце»,* — повторял он. Как будто доброе сердце могло за-

щитить границы, усмирить мятежников, удержать власть в моменты кризиса.

Зависть к этой лёгкости, к этой способности быть любимой без усилий, жгла Лиру изнутри. Но она не хотела быть завистливой. Она хотела, чтобы её тоже любили. Чтобы её ценили не за то, что она «держит оборону», а за то, кто она есть.

«Я не позволю ей всё испортить», — снова прошептала Лира, поднимаясь с колен и вытирая пыль с платья. На этот раз в этих словах было не только желание власти. В них была отчаянная попытка доказать отцу, даже если он уже не мог её услышать: *«Я могу. Я справлюсь. Посмотри на меня»*.

За окном ветер шевельнул занавеску, и Лире на миг почудился далёкий, едва уловимый звон, в этот раз звук не затих — он превратился в гул, от которого дрогнули стены.

И в этом звуке не было ничего от предзнаменований — только холодная, равнодушная реальность: перемены уже начались, их не остановить.

На пороге появилась камеристка, суется, стараясь подобрать к платью ленты, но Лира резким жестом остановила её и в этом жесте было не столько раздражение, сколько желание оборвать любой звук, который мог бы напомнить голос сестры.

— Довольно. Оставь.

Девушка замерла, опустив глаза.

— Простите, ваше высочество... Но вы велели быть гото-

вой к полуночному докладу лорда Ваэриона.

Доклад... Да. Он всегда знает, когда прийти, чтобы заставить меня врасплох.

Лира усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья — только усталость, приправленная раздражением.

Камеристка замерла, опутив глаза. Лира тут же почувствовала укол вины за собственную резкость, но подавила его. Вина — это роскошь, которую она не могла себе позволить.

Подойдя к окну, Лира машинально коснулась броши с аметистом. Подарок на день рождения. Отец тогда смотрел на неё с такой неловкой гордостью, будто вручал не украшение, а извинение. *«Ты стараешься, я вижу»*, — сказал он тогда. Но не добавил: *«И этого достаточно»*.

Она провела пальцем по холодному камню, вспоминая, что аметист — камень трезвости и защиты, который она выбрала сама, потому что устала быть «щитом» семьи.

Снизу донёсся смех придворных, лёгкий и беззаботный, как будто мир не трещал по швам. Лира сжала брошь сильнее. Это была не зависть в чистом виде — не желание иметь то, что есть у сестры. Это была обида на несправедливость, которая ранила тем сильнее, что никто не называл её вслух.

За стеклом город мерцал редкими огоньками, будто звёзды упали на крыши домов и теперь не могли подняться обратно.

Дверь тихо скрипнула, и в комнату вошёл лорд Ваэрион.

Как всегда, безупречный, спокойный, с лицом, на котором невозможно было прочесть ни одной настоящей эмоции.

— Принцесса Лира, — склонил голову Ваэрион. — Вы готовы обсудить приготовления?

Лира повернулась к нему, скрестив руки на груди. В его спокойствии было что-то невыносимо снисходительное, будто он заранее знал, что она согласится, потому что у неё нет выбора.

— Готова. Но сначала скажите: где она?

Ваэрион чуть приподнял бровь.

— Кто?

— Мираэлла, — почти прошипела Лира, теряя привычную выдержку. — Её нет нигде. Стража доложила, что она выходила, но вернулась ли — никто не видел.

Маг спокойно прошёл к креслу и сел, словно был у себя дома.

— Возможно, она просто прячется от суеты. Или от вас.

Лира стиснула зубы. *«Или от меня»*. Как будто это Мираэлла имела право обижаться. Как будто это её игнорировали годами, оставляя в стороне от важных разговоров, пока отец обсуждал государственные дела с кем угодно, только не с ней.

— Не делайте из меня глупую девочку, лорд Ваэрион, — голос Лир дрогнул, и она поспешила сделать его твёрже. — Вы знаете, что она — слабое звено. Её мягкость может всё испортить. Если она поднимет шум, если начнёт звать к

милосердию короля...

— Король уже не в том состоянии, чтобы кого-либо слушать, — тихо, но твёрдо перебил её Ваэрион. — И вы это знаете не хуже меня.

Эти слова ударили точно в незаживающую рану. Да, отец слаб. Да, он больше не тот мудрый правитель, каким был раньше. Но хуже всего было то, что он перестал видеть в Лире ту, кто мог бы его заменить. Он смотрел сквозь неё, будто она была лишь тенью, которая должна стоять позади, не мешая свету падать на Мираэллу.

— Я знаю, — прошептала Лира, на мгновение закрыв глаза, чтобы удержать внутри ту бурю, которая рвалась наружу. — Но я не хочу, чтобы всё пошло прахом изза её слёз.

Ваэрион помолчал, будто взвешивая слова.

— Ваша забота о судьбе королевства достойна уважения. Но помните: иногда слабость — это не отсутствие силы, а иная её форма. И она может оказаться опаснее любой решимости.

Лира горько усмехнулась. «Слабость». Это слово, которое она слышала всю жизнь, когда речь заходила о ней. «Лира слишком резка», «Лира не умеет сглаживать углы», «Мираэлла лучше чувствует людей». Как будто умение не плакать по каждому поводу было недостатком.

— Вы говорите загадками, — резко бросила она. — Я не хочу загадок. Я хочу знать, что делать, чтобы это королевство не рухнуло, пока мой отец... — она запнулась, не в силах

произнести «*умирает*» вслух.

В дверь постучали. Вошёл один из младших пажей, бледный и запыхавшийся.

— Ваше высочество, милорд... В заброшенном зале восточного крыла разбилось зеркало. Стража слышала шум. И... там видели свет.

Ли́ра резко выпрямилась.

— Свет? В заброшенном зале? Кто мог туда пойти?

Паж опустил глаза.

— Говорят, княжна Мираэлла. И с ней капитан Элиан.

Имя Элиана прозвучало как пощёчина. Ли́ра почувствовала, как внутри всё сжалось от смеси злости и... чего-то ещё, похожего на обиду. Элиан всегда держался с ней вежливо, но отстранённо. И теперь она знала почему.

— Значит, она опять лезет туда, куда не следует, — процедила Ли́ра, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не обиженно. — И тащит за собой того, кто должен служить коро-не, а не нянчиться с младшей сестрой.

Ваэрион поднялся, его мантия шевельнулась, как тень.

— Не спешите с выводами. Возможно, она увидела то, что должна была увидеть.

— Или то, что вы ей показали, — бросила Ли́ра, глядя ему прямо в глаза. — Иногда мне кажется, что вы играете с нами всеми, как с фигурами на доске.

На губах Ваэриона мелькнула едва заметная улыбка.

— Иногда доска сама решает, какие фигуры должны дви-

гаться.

Он вышел, оставив Лиру одну с её сомнениями. Она подошла к столу, где лежали отчёты о положении на границах — документы, которые она изучала ночами, пытаясь доказать отцу, что разбирается в политике не хуже любого советника. Но он так ни разу и не спросил её комментариев.

В казармах Мираэлла не могла уснуть. Чужой запах железа и кожи, приглушённые голоса дозорных, скрип половиц — всё казалось ей обвинением: будто само пространство шептало, что она здесь лишняя. Элиан сидел на табурете у двери, не сводя глаз с коридора, и в этом его молчании было больше защиты, чем в любых клятвах.

— Мы должны узнать про ритуал, — вдруг сказала она, нарушив тишину. — Ваэрион говорил об очищении... Если это уже делали раньше, должны остаться записи.

Элиан чуть повернул голову, оценивая её слова.

— В дворцовом архиве есть хроники старых домов. Но туда почти не ходят: пыли столько, что задохнёшься, а стража считает это пустой тратой времени.

— Значит, пойдём, когда все будут думать, что мы спим, — твёрдо сказала Мираэлла.

Они дождались, пока казармы погрузятся в сон, и скользнули в коридоры, знакомые Элиану до последней трещины в камне.

Архив дышал пылью и забытыми клятвами. Воздух здесь был не просто неподвижным — он будто сопротивлялся лю-

бому вторжению, цеплялся за плащи, оседал на ресницах, заставляя дышать мелко и осторожно. Элиан держал фонарь, и его свет, вместо того чтобы разгонять тьму, лишь выхватывал из неё узкие, тревожные полосы: ряды полок, уходящие в непроглядную глубину, корешки книг, потемневшие от времени, словно покрытые коркой старой крови.

— Ищи упоминания о «ритуале очищения» или «восстановлении силы рода», — прошептала Мираэлла, хотя вокруг не было никого, кто мог бы их услышать. Но ей казалось, что само пространство подслушивает.

Она провела пальцами по шершавым корешкам, и пыль поднялась не просто облаком — она закружилась в крошечный вихрь, будто кто-то невидимый резко выдохнул рядом. Вихрь сплёлся в тонкую спираль и на мгновение принял очертания человеческой фигуры — дрожащей, полупрозрачной, тут же рассыпавшейся на мириады светящихся частиц.

Мираэлла отдернула руку, но тут же заставила себя снова коснуться полок. Страх здесь был врагом: он делал тебя заметным для того, что жило в тишине.

И тогда книги заговорили. Не словами — шёпотом, сотканным из скрипов и шорохов. Из темноты доносились имена, будто кто-то перелистывал невидимые страницы и читал вслух давно забытые судьбы:

— Дрей... Эриан... Веренхорн...

Каждое имя отзывалось в груди Мираэллы глухим ударом,

будто её собственная кровь узнавала предков, о которых она никогда не слышала.

— Не смотри на звук, — тихо, но твёрдо сказал Элиан, не отводя взгляда от темноты за её спиной. — Смотри на дело.

Мираэлла кивнула, сжала кулаки, чтобы унять дрожь, и снова потянулась к полкам. И в этот момент что-то произошло.

Не она нашла тетрадь — тетрадь нашла её.

Из щели между двумя тяжёлыми фолиантами вдруг вынулся потрёпанный край обложки, будто книга нетерпеливо постучала, требуя внимания. Мираэлла замерла. Тетрадь шевельнулась ещё раз, чуть выдвинулась вперёд, и в этот миг пыль вокруг неё не кружилась — она застыла в воздухе, словно время на секунду остановилось.

Тетрадь мягко выскользнула из тесного ряда и упала прямо в подставленную ладонь Мираэллы, будто была создана именно для этого — чтобы её нашли именно сейчас, именно её руками.

На обложке не было названия, только выцветшая печать с гербом дома Веренхорн. Кожа переплёта была тёплой — неестественно тёплой, как будто внутри билось чужое сердце.

Мираэлла едва успела коснуться печати, как алая нить на её запястье вспыхнула не обжигающим, а ледяным светом — будто предупреждая: «Ты уверена, что хочешь это знать?»

— Осторожно, — выдохнул Элиан, подавшись вперёд. Его

пальцы сжались на рукояти клинка, хотя врага видно не было. — Здесь всё... не просто старое. Здесь всё помнит.

Мираэлла не ответила. Она осторожно, почти благоговейно, открыла тетрадь. Страницы хрустели, как сухие листья, но не рассыпались — они будто сопротивлялись, не желая отдавать свои тайны. И всё же под её пальцами они поддались.

Вместо сухих инструкций и перечней ингредиентов перед ней были не формулы, а записи, похожие на исповедь. Чьи-то дрожащие строки, выведенные чернилами, которые потемнели до цвета запекшейся крови:

«317 год. Лорд Дрей решился на ритуал, чтобы спасти сына. На рассвете мальчик умер, а лорд... лорд перестал узнавать лица. Он говорил, что видит в зеркалах тех, кого отдал. Не их самих — а пустоты на их местах. И эти пустоты тянут к нему руки. Он просил прощенья у каждой тени, но тени не умеют прощать. Через три дня он разбил все зеркала в своём доме. А на четвёртый — вышел на стену и шагнул в пустоту. Ритуал не спас ни сына, ни его самого. Он лишь научил лорда видеть то, что нельзя развидеть».

Мираэлла застыла, вглядываясь в эти строки. Пальцы её слегка подрагивали, но она не отводила глаз, будто боялась, что, если моргнёт, слова расползутся по странице и соберутся во что-то ещё более страшное. В груди разрастался холод, тяжёлый и вязкий, как застывающий воск. Она не хотела верить, но тело уже знало: это правда.

— Это не спасение рода, — произнесла она тихо, и собственный голос показался ей чужим, слишком ровным для того ужаса, что сжимал горло. — Это... это не просто жертвоприношение. Это кража, за которую приходится платить снова и снова.

Элиан шагнул ближе, не заслоняя ей вид, но становясь рядом — так, чтобы она чувствовала его присутствие, если вдруг земля под ногами дрогнет.

— Ты не обязана нести это одна, — сказал он ровно.

Мираэлла покачала головой, всё ещё не отрывая взгляда от страницы.

— Нет. Если я сейчас отведу глаза, потом не смогу смотреть ни на кого. Ни на отца, ни на Лиру, ни даже на себя.

Она осторожно провела пальцем по строкам, словно проверяя, настоящие ли они. Чернила не расплывались. Слова оставались на месте — тяжёлые, безжалостные, намертво въевшиеся в бумагу.

— Лорд Дрей хотел спасти сына, — прошептала она, скорее себе, чем Элиану. — Он не хотел зла. Он просто... не знал, что делает. Или не хотел знать.

— Иногда не знать страшнее, — спокойно ответил Элиан. — Но ты знаешь. И теперь можешь помешать этому повториться.

Мираэлла захлопнула тетрадь, и звук отозвался в тишине архива. Гдето далеко, в другом крыле дворца, Лира вздрогнула, будто услышала этот отголосок сквозь стены. Она сто-

яла перед зеркалом, но не узнавала собственное отражение.

В нём была не она — а тень, которую все привыкли видеть: послушная, сдержанная, удобная. Та, что кивает, когда хочется кричать, и молчит, когда должна говорить.

— Хватит прятаться за приличиями, — прошептала Лира, будто проверяя, как звучит эта мысль вслух.

Она резко дёрнула застёжку на рукаве, и серебряная брошь с аметистом упала на столик с тихим стуком. Камень, который она годами носила как щит, теперь казался ей око-
вами.

И в тот миг, когда брошь коснулась дерева, алая нить на запястье Мираэллы вспыхнула не обжигающим, а ровным, холодным светом — будто нашла свою пару.

Мираэлла замерла, прислушиваясь не к звукам, а к этому новому ощущению. Нить не кричала «опасно», она словно шептала: «Путь есть».

Элиан тоже почувствовал перемену: воздух вокруг стал тоньше, будто кто-то приоткрыл невидимую дверь. — Чувствуешь? — тихо спросила Мираэлла. — Да, — кивнул он, уже не споря с магией, а принимая её как часть этого дворца. — Идём.

Они двинулись вперёд, и коридор, который ещё минуту назад казался тупиком, вдруг перестал давить стенами. В самом его конце, там, где стык камней был почти неразличим, узор на плите дрогнул и засветился тонкими прожилками. Стена не заскрежетала, не сдвинулась с натугой — она про-

сто растворилась, открывая узкий проход со ступенями вниз.

Элиан выхватил клинок, прикрывая Мираэллу, но в проёме была лишь темнота и запах сырости. — Это не случайность, — прошептала Мираэлла, глядя на нить, что теперь светилась ровно. — Ктото сделал шаг там, где нужно. — И дворец услышал, — тихо произнёс Элиан, первым ступая на первую ступень.

Мираэлла кивнула и шагнула следом — в темноту, которая больше не казалась непроглядной.

Лира провела пальцем по строчкам, которые знала наизусть. Отец никогда не спрашивал её мнения, но цифры не лгали: восточные рубежи были почти оголены. Ваэрион намеренно стягивал силы к столице, готовя почву для ритуала. И если никто не осмелится ему помешать, королевство падёт, даже не заметив удара.

Она подняла глаза на портрет отца, висевший над камином. Он смотрел на неё с привычной мягкой усталостью, которая в последние месяцы всё больше походила на отрешённость.

— Ты учил меня стратегии, — тихо сказала она портрету, не ожидая ответа. — Ты говорил, что трон требует жёсткости. Но ты никогда не говорил, что я не имею права его занять.

В коридоре слышались шаги — ровные, уверенные. Лира метнулась к двери, прижалась ухом к створке. Это был не слуга и не камеристка. Так ходил только один человек во

дворце.

лорд Ваэрион.

Он прошёл мимо её покоев и остановился у соседней двери — той, что вела в потайной ход, известный лишь избранным. Лира видела, как он коснулся резного узора на косяке, и панель в стене бесшумно отъехала в сторону. Маг скользнул в проём, и проход закрылся так же беззвучно, будто его и не было.

Сердце Леры забилось быстрее, но не от страха — от азарта. Это был шанс. Не просто подслушать разговор, не просто добыть документ. Это была возможность увидеть, куда он ходит, с кем встречается, где хранит свои секреты.

Она подождала ровно три удара сердца, чтобы убедиться, что он ушёл далеко, и приложила ладонь к тому же узору. Механизм щёлкнул, отзвываясь на прикосновение — видимо, отпечаток срабатывал не только на Ваэриона. Панель дрогнула и отъехала, открывая узкий, пыльный проход, пахнувший камнем и затхлостью.

Лира шагнула внутрь, не раздумывая. В темноте она двигалась почти на ощупь, но уверенно: она знала этот дворец лучше, чем многие его обитатели. Когда-то отец водил её по тайным коридорам, показывая, как важно понимать, что скрыто за парадными фасадами. «Трон — это не только зал с троном, Лира, — говорил он. — Это все эти стены, все эти двери, все эти тени».

Тоннель вывел её в небольшую нишу за гобеленом в ма-

лой приёмной — той самой, где Ваэрион должен был встретиться с королевойматерью. Лира замерла, прислушиваясь.

— ...ритуал необходимо провести до полнолуния, — голос Ваэриона звучал спокойно, почти буднично, будто речь шла не о судьбах людей, а о расписании дворцовых приёмов. — Сила рода тает. Если мы не восстановим баланс сейчас, Веренхор падёт под натиском соседей.

Королевамать вздохнула — устало, обречённо:

— А если мы ошибёмся? Если цена окажется слишком высока?

— Цена всегда высока, ваше величество, — ровно ответил Ваэрион. — Но альтернатива — полный крах. Вы сами видели, как слабеет король. Как дрожат руки у наследниц. Мы не можем позволить себе милосердие.

Лира сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. «Дрожат руки у наследниц». Это он о ней и Мираэлле. О них обеих. Как о помехах, которые нужно устранить ради «высшего блага».

— Хорошо, — наконец произнесла королевамать. — Проводите ритуал. Но пусть всё будет сделано тихо. Без лишней крови.

— Как пожелаете, — спокойно ответил Ваэрион, и Лира почти увидела его едва заметный поклон.

Шаги затихли. Лира выждала ещё минуту, пока в приёмной не воцарилась тишина, и только потом осторожно отодвинула гобелен. В комнате никого не было, только на столе

остался раскрытый свиток — тот самый, с планом размещения стражи во время ритуала. Лира скользнула вперёд, схватила его и свернула, пряча за корсаж. Руки дрожали, но не от страха, а от напряжения, от осознания: теперь у неё было доказательство. Не просто подозрения, не просто обиды — реальные планы врага.

Когда она вернулась в свои покои, первое, что она сделала, — достала из ящика стола старый компас, который отец подарил ей на десятилетие. Он давно не работал, но Лира хранила его как напоминание о том, что даже сломанные вещи могут пригодиться. Теперь она положила его рядом с украденным свитком и твёрдо сказала вслух, будто бросая вызов невидимому слушателю:

— Пусть трон требует жёсткости. Я готова быть жёсткой. Но я не позволю разрушить королевство ради амбиций одного человека.

За окном ветер снова шевельнул занавеску, и на миг Лире показалось, что дворец, который столько лет смотрел на неё как на тень, наконец увидел её настоящую.

В другом крыле дворца в это же время, напряжение сгустилось до предела. Мираэлла сжимала в руках тетрадь, но её пальцы дрожали не от холода, а от тяжести прочитанного. Элиан держался на полшага позади, но вдруг резко привалился к стене, прикрыв глаза.

— Элиан? — обернулась Мираэлла.

Он тут же выпрямился, будто стыдясь слабости: — Всё в

порядке. Просто... старая пыль оседает не только на плащи. Мираэлла шагнула ближе: — Ты не умеешь врать, капитан.

Элиан невесело усмехнулся и тихо произнёс: — Когда-то я не успел спасти брата. Камень рухнул, а я застыл. С тех пор мне кажется, что этот дворец всегда забирает тех, кто дорог. И я боюсь снова опоздать.

Мираэлла молча набросила на его плечи свой плащ. — Тогда не будем давать ему шанса, — твёрдо сказала она. — Мы справимся. Вместе.

На миг в его взгляде мелькнула благодарность. Он расправил плечи: — Ладно. Идём. Пока коридоры пусты.

Рассвет уже серел за окнами казарм, когда Элиан ненадолго оставил Мираэллу и отправился к старому сержанту Дорну. Дорн служил во дворце дольше всех и знал, где трещит фундамент лояльности.

Сержант сидел у очага, чистя клинок, и поднял глаза, когда Элиан подошёл. — Капитан. Не ожидал увидеть тебя здесь в такой час. — Мне нужны не любезности, Дорн, а правда, — прямо сказал Элиан. — В последнее время слишком много глаз смотрят не туда, куда положено.

Дорн хмыкнул и отложил клинок. — Ты про людей лорда Ваэриона? Они не прячутся. Ходят с видом хозяев, будто уже завтра будут раздавать приказы. Вчера двое из них проверяли посты у восточного крыла. Спрашивали, кто выходит, кто заходит. Особенно интересовались принцессой.

— Имена?

Дорн покачал головой. — Не называю. Пока не называю. Но знай: не все здесь верны короне. Некоторые думают, что новая метла выметет старую грязь вместе с нами.

— А ты?

Сержант посмотрел ему прямо в глаза. — Я верен присяге, капитан. И тем, кто её не предаёт.

Элиан кивнул, принимая не обещание, а молчаливое предупреждение. — Спасибо, Дорн. Если услышишь что-то, дай знать. Даже если это будет казаться пустяком. В этом дворце пустяки становятся лезвиями.

Когда Элиан вернулся, Мираэлла ждала его у окна, сжимая в руках кристалл. — Что-то случилось? — спросила она, заметив его напряжённое лицо.

— Случилось то, что я боялся услышать, — ответил он. — У Ваэриона есть свои люди среди стражи. Они следят за тобой. И, возможно, не только за тобой.

Мираэлла сильнее сжала кристалл. — Значит, мы не можем доверять никому, — прошептала она.

— Можем доверять тем, кто не ищет выгоды, — поправил Элиан. — И себе.

Они снова вышли в коридоры, но теперь всё было иначе. Знание о слежке висело между ними тяжёлым грузом, и тени, которые раньше просто шептали, теперь казались живыми наблюдателями. Коридоры сужались, стены будто надвигались на них, а тени вели себя странно: они не следовали

за светом фонаря, а тянулись вперёд, словно указывая путь. Или заманивая.

Внезапно одна из теней на стене дрогнула и на мгновение приняла очертания отца Мираэллы. Она замерла, сердце подпрыгнуло к горлу. — Отец?.. — прошептала она, не веря своим глазам. Тень шевельнула рукой: «Прости, я не успел тебя защитить», но тут же расплылась, превратившись в обычный тёмный силуэт.

— Не смотри на них, — спокойно, но твёрдо сказал Элиан, положив ладонь ей на плечо. — Тени в этом дворце умеют притворяться. Они берут образы из твоих страхов и надежд и надевают их, как маски.

— Но почему я их вижу? — голос Мираэллы дрожал.

— Возможно, изза нити, — предположил Элиан. — Она делает тебя чувствительной к искажениям. А тени — это тоже искажения.

Ещё одна тень скользнула по полу, на миг приняв очертания Лиры. В её «глазах» мелькнуло чтото похожее на упрёк. Мираэлла отвернулась, стиснув зубы. — Я не позволю им управлять мной, — прошептала она.

— Тогда смотри только вперёд, — сказал Элиан. — И на меня. Остальное — шум.

И она пошла, стараясь не оглядываться, хотя чувствовала, как тени шепчут ей вслед, произнося имена тех, кого она боялась потерять.

Когда они наконец добрались до казарм, рассвет уже зали-

вал коридоры бледным, холодным светом. Мир, казавшийся ночью полным тайн и угроз, на глазах становился обычным дворцом — шумным, суетливым, полным слуг и стражи. Но Мираэлла знала: теперь она видит его насквозь. И то, что пряталось за фасадом, было гораздо опаснее любой тени.

Гдето далеко, в покоях Лиры, старый компас тихо щёлкнул, будто отзываясь на что-то в воздухе. Лира подняла глаза от свитка, прислушиваясь. Ей показалось, что она слышит далёкий шёпот — голос сестры, зовущий её сквозь стены. Но когда она подошла к окну, за стеклом был только ветер, качающий голые ветви деревьев.

Лира улыбнулась — впервые за долгое время без горечи. — Мы справимся, — прошептала она, обращаясь то ли к сестре, то ли ко всему королевству. — Обещаю.

Глава 2 Холод материнской любви

Утро во дворце Веренхорн наступало не с пением птиц, а с тихим скрипом дверей, с осторожными шагами слуг, которые старались быть незаметными, и с холодом, пробирающимся сквозь тяжёлые портьеры.

Мираэлла резко распахнула глаза, выныривая из кошмара, где по каменным плитам текла кровь. Секунду она не могла понять, где находится: вокруг была не тьма заброшенного зала, а желтоватый полумрак маленькой комнаты. Пахло кожей, воском и металлом — запахами порядка и долга. Только сейчас, ощущая под пальцами грубое шерстяное одеяло, она вспомнила ступени, уходившие вниз под странным углом; тишину, которая здесь была не зловещей, а надёжной; фигуру Элиана в дверном проёме, обещавшую, что снаружи он не подпустит к ней ни одну тень.

Она проснулась не в своих покоях. Она проснулась там, куда её привёл единственный человек во дворце, которому она верила.

Её светлые волосы, обычно уложенные в строгую причёску с жемчужными шпильками, сейчас свободно рассыпались по плечам тонкими, почти невесомыми прядями — будто сама небрежность стала для неё маленькой свободой. В мягком утреннем свете её локоны отливали тёплым золотом, совсем не похожим на холодное сияние парадных диадем, которые

ей приходилось носить. Но эта мягкость, эта светлая, почти детская лёгкость только сильнее подчёркивала тень усталости в её глазах.

Ночью ей снился странный сон: коридор дворца, залитый алым светом, будто по каменным плитам текла кровь. Она шла по нему, и алая нить на запястье пульсировала в такт тяжёлым ударам сердца. В конце коридора, у трона, стояла фигура в чёрном, и когда она обернулась, Мираэлла не увидела лица — только пустоту, от которой стыла кровь. Проснувшись она резко, с пересохшим горлом, и несколько мгновений не могла понять, где находится. Лишь запах воска и металла вернул её в реальность.

Кристалл, спрятанный в кармане платья, едва заметно потеплел, будто тоже встряхивался после дурных видений. Мираэлла осторожно коснулась ткани, убеждаясь, что он на месте. *«Он помнит то, что я видела»*, — мелькнула тревожная мысль.

Лорд Элиан оставил её здесь на попечение надёжных людей, а сам ушёл разбираться с ночной суетой: стража докладывала о разбитом зеркале, о странных огнях, о пропавшей принцессе. Когда он вернулся, в его взгляде читалось не только напряжение, но и что-то ещё — усталость, смешанная с тревогой.

Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы позолотить шпили башен, к ней пришёл Элиан. Его мундир был безупречен, как всегда: тёмнокрасная ткань с золотой окан-

товкой, выглаженная до бритвенной остроты складок, и знаки отличия капитана дворцовой стражи, начищенные до сверлящего блеска.

У него были тёмные волосы, коротко подстриженные по военному уставу, и резкие, будто высеченные из камня черты лица: высокие скулы, прямой нос и твёрдая линия челюсти, которая редко смягчалась улыбкой. Но главное в нём было не это, а глаза — серостальные, внимательные, привыкшие замечать малейшее движение в темноте. В них не было показной суровости, но и мягкости тоже не было: в них читалась спокойная уверенность человека, который знает цену своим решениям и готов нести за них ответственность.

— Пора, — тихо сказал он. — Королевамать требует твоего присутствия на утреннем приёме.

Мираэлла сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как под кожей снова оживает алая нить. Она не хотела туда идти. Но знала: если не появится сама, её приведут. И это будет ещё хуже.

Прежде чем последовать за Элианом, Мираэлла на секунду задержалась у окна. Ей нужно было хоть немного воздуха, не пропитанного запахом парадного зала. Но вместо этого она схватила со стола тонкую стопку бумаг — заметки наставника о древних ритуалах, которые она тайком читала прошлой ночью. Она сунула их в потайной карман платья, прикрыв складками ткани. Пусть это были обрывки легенд и старые хроники, но это было хоть что-то против холодного расчёта матери и мага. Если ей придётся защищаться слова-

ми, пусть эти слова будут не пустыми оправданиями, а знанием.

По пути к залу совета она едва успела заметить у дверей покоев королевых матери крошечный осколок зеркала, странно мерцавший в полумраке, и россыпь серебристой пыли, похожей на пыльцу северного растения из легенд о нити. При виде этого мерцания кристалл в её кармане тихо дрогнул, будто отозвался на родственный свет. Но стражник, шедший впереди, резко окликнул её:

— Принцесса, не задерживайтесь. Её величество не любит ждать.

И она пошла дальше, унося с собой эту странную деталь, словно кусочек головоломки, смысл которой пока ускользал.

Подойдя к небольшому зеркалу в простой медной раме, висевшему на стене, и попыталась собрать волосы, заправляя выбившиеся пряди за уши. Но руки дрожали, и причёска выходила небрежной. В отражении она видела не будущую королеву, а испуганную девушку с большими тёмными глазами и светлой копной волос, которая никак не хотела укладываться в строгие линии дворцового этикета.

Алая нить на её запястье была не просто украшением — это был знак избранности. Она появлялась у истинных наследников рода и проходила от самого запястья до локтя. Нить пульсировала, отзываясь на ложь, на искажения истины и на резкие всплески магии — словно живой нерв, соединяющий Мираэllu с древней клятвой предков. Иногда она

теплела, будто предостерегая, иногда едва заметно вибрировала, словно пыталась что-то прошептать на забытом языке. Для одних эта нить была доказательством её права на трон, для других — знаком того, что она слишком тесно связана с силами, которые многие хотели бы подчинить или уничтожить.

Род Веренхорн веками правил этими землями, и кровь их была сплетена с самой магией королевства. Говорили, что первые короли Веренхорна заключили договор с древними духами гор и рек: в обмен на силу и процветание рода они обязались хранить равновесие, не позволяя ни тьме, ни безудержной воле поглотить королевство. С тех пор магия текла в их жилах, проявляясь не в громких чудесах, а в тонкой способности чувствовать ложь, улавливать колебания силы и видеть трещины в мире, которые обычные люди не замечали.

Но эта сила имела свою цену. Чем слабее становилась воля правителей, чем больше сомнений и раздоров проникало в семью, тем тусклее горела магия рода. И чтобы вернуть её, существовал древний ритуал очищения — крайняя мера, которую применяли лишь в самые тёмные времена. Он требовал жертвы: не просто крови, а отречения от того, что ослабляло род. И потому в последние годы всё чаще слышались голоса, утверждавшие, что мягкость и сострадание — это не добродетели, а уязвимости, которые нужно вырвать, как сорняки.

До десятого дня рождения Мираэллы никто не видел на

её коже ни следа древней метки. В тот вечер, когда над дворцом зажглись первые звёзды, девочка стояла у окна, слушая, как ветер шепчет в кронах старых дубов. Внезапно запястье обожгло тонким, но настойчивым теплом. Мираэлла опустила взгляд и замерла: по коже, от запястья к локтю, медленно проступала алая линия, будто кто-то невидимый выводил её дрожащей кистью. К утру нить стала чёткой, яркой, и с этого дня её жизнь перестала принадлежать только ей — она стала голосом и памятью рода, которого многие боялись, а немногие осмеливались уважать.

Мираэлла была младшей дочерью короля, и трон по всем законам и обычаям Веренхорна должен был перейти к её старшей сестре, принцессе Лире. Лира с детства воспитывалась как будущая правительница: её учили стратегии и дипломатии, закаляли волю и приучали к жёстким решениям, которые порой приходилось принимать во благо королевства. Придворные видели в ней достойную наследницу — решительную, собранную, умеющую держать лицо даже в самых тяжёлых обстоятельствах.

А Мираэлла... Мираэлла всегда была другой. Она пряталась за широкими юбками нянек, когда во дворце устраивали парадные приёмы, и вместо уроков этикета тайком бегала в дворцовые сады, чтобы перевязывать лапки раненым птицам. Она плакала, когда на охоте хвалили меткость стрелков, и просила отца помиловать даже самых дерзких провинившихся слуг. Её доброта казалась окружающим почти бо-

лезненной, её робость — признаком слабости, а милосердие — неуместной мягкостью, которая в суровом мире политики могла обернуться гибелью для целого народа. «Слишком хорошая», — шептали за её спиной, вкладывая в эти слова не похвалу, а упрёк: разве может правитель быть настолько уязвимым?

И вот теперь эта алая нить. Знак, который не появлялся у наследников уже несколько поколений. Старейшины переглядывались, жрецы нервно перебирали чётки, а советники короля перешёптывались в тёмных коридорах. Никто не мог поверить, что древний знак избрал именно Мираэлла. Для многих это казалось насмешкой судьбы: как может робкая девочка, вздрагивающая от резкого голоса, нести на себе тяжесть клятвы, скреплённой кровью и магией? Как сможет она противостоять врагам, если даже вид чужой боли заставляет её опускать глаза?

Принцесса Лира, узнав о метке, долго стояла у мраморного балкона, глядя на багровый закат, который странным образом перекликался с цветом нити на запястье младшей сестры. В её взгляде не было ненависти — лишь горькое, холодное осознание того, как резко и беспощадно жизнь перетасовала карты.

Сама Мираэлла не знала, что делать с этим даром, который ощущался скорее как проклятие. Нить на её руке пульсировала, отзываясь на каждый всплеск напряжения в зале, на каждую несказанную ложь, на каждый завистливый

взгляд. Она чувствовала, как древняя сила пробуждается внутри неё, требуя чего-то, что она пока не умела дать.

— Я готова, — произнесла она, хотя внутри всё сжималось от дурного предчувствия.

Элиан чуть склонил голову, будто понимая, чего ей стоило это «готова». В этом едва заметном движении было больше сочувствия, чем в любых словах.

— Держись рядом со мной. И не отвечай на провокации. Просто слушай.

Но слушать оказалось тяжелее, чем отвечать.

Приём проходил в малом зале для семейных советов, хотя никакой семьи там не чувствовалось. В центре, на возвышении, сидела королевамать в платье цвета грозового неба, прямая, как клинок. Её осанка была безупречна, будто сама спина стала орудием дисциплины: ни намёка на усталость, ни малейшего отклонения от идеальной вертикали. Лицо напоминало искусную маску из холодного мрамора — тонкие, выверенные черты, высокие скулы и прямой нос, унаследованные родом Веренхорн, были лишены малейшей мягкости. Лишь в уголках губ таилась жёсткая складка, говорившая о годах, когда каждое проявление чувств считалось слабостью. Её серебристопепельные волосы были убраны в тугой узел, скреплённый шпильками из чёрного обсидиана — камня, который, по преданию, впитывал чужую боль, но не отдавал её обратно. В этом образе не было ни тепла, ни намёка на материнскую нежность — только власть, отточенная,

как меч.

Рядом с королевойматерью, чуть позади, стояла Лира — в новом наряде из тёмнофиолетового бархата, расшитого серебряными нитями, изображавшими стилизованные ветви терновника. В её позе читалась готовность к действию: плечи развёрнуты, подбородок приподнят, а пальцы едва заметно сжимались и разжимались, будто ей не терпелось взяться за поводья власти. Тёмные, тяжёлые косы были туго стянуты и уложены в замысловатую корону из кос — идеальное воплощение дисциплины и контроля. Глаза Леры, тёмнокарие, почти чёрные, смотрели не просто внимательно, а оценивающе, как у хищника, который уже выбрал жертву, но пока не спешил нападать. В ней не было и тени той неуверенности, что терзала Мираэллу: каждое движение было выверено, каждый взгляд — расчётлив. Она словно впитывала холод матери и превращала его в сталь. На фоне этой безупречной строгости светлые, непослушные локоны Мираэллы казались почти вызовом.

У дверей зала Элиан на секунду задержал Мираэллу.

— Если почувствуешь опасность, — тихо произнёс он, глядя ей прямо в глаза, — не пытайся быть вежливой. Просто иди ко мне. Даже если это покажется грубостью — это будет правильно.

Мираэлла кивнула, чувствуя, как узел страха в груди чуть ослаб.

Когда Мираэлла вошла, в зале на мгновение повисла ти-

шина. Королевамать едва заметно кивнула, разрешая дочери занять место у края стола — не рядом с семьёй, а там, где ставят тех, чьё присутствие необходимо, но нежелательно.

Она сделала шаг вперёд, и паркет под ногами показался ей скользким, как лёд. Мираэлла сжала край стола так сильно, что ногти впились в полированное дерево, оставляя крошечные полумесяцы. «*Не дрожи*», — приказала она себе, но предательский холод уже поднимался от ступней к коленям, заставляя их подрагивать. Она опустила взгляд, чтобы скрыть это, и увидела, что на столе лежал старый свиток. Она успела прочесть одну фразу, от которой по спине пробежал ледяной холод: «Отречение должно быть добровольным, но воля может быть сломлена истиной». Она поспешно опустила глаза, надеясь, что никто не заметил её реакции.

— Наконецто, — холодно произнесла королевамать, не глядя на младшую дочь. — Мы уже начали думать, что ты решила пренебречь своими обязанностями.

— Прошу прощения, ваше величество, — тихо сказала Мираэлла, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я... задержалась.

Лира едва слышно фыркнула, прикрыв рот ладонью, будто это был вежливый жест, а не насмешка. Но в её глазах мелькнуло удовлетворение — ей нравилось видеть сестру растерянной, нравилось ощущать, как каждая неловкость Мираэллы укрепляла её собственные позиции.

— Задержалась, — повторила королевамать, словно про-

буя слово на вкус. — В последнее время ты часто «задерживаешься», Мираэлла. То в библиотеке, то в саду, то вообще неизвестно где. Это не поведение наследницы.

Алая нить на запястье едва заметно потеплела. Не вспыхнула яростью, а просто напомнила о себе: в словах матери была не просто строгость — была намеренная жестокость.

Мираэлла хотела сказать, что старалась быть незаметной, чтобы не мешать, но вовремя прикусила язык. Это прозвучало бы как оправдание. А оправдания здесь не ценились.

Перед началом совета королевамать на мгновение задержала лорда Ваэриона у дверей.

— Если мы ошибёмся с ритуалом... — тихо произнесла она, и в её голосе впервые прозвучало что-то похожее на тревогу. — Что будет с ней?

Ваэрион чуть склонил голову.

— Ритуал не выбирает, ваше величество. Он берёт то, что ослабляет род. Если в ней есть слабость... она станет жертвой.

Королевамать сжала губы, будто пытаясь удержать слова, которые рвались наружу. Но затем расправила плечи и вошла в зал, снова став той самой ледяной королевой, которую все знали.

— Сегодня мы обсудим будущее династии, — продолжила она, и в её голосе снова не осталось и следа прежней слабости. — Состояние короля... нестабильно. И мы должны быть готовы ко всему.

При этих словах Ли́ра чуть пода́лась впе́рёд, будто пружи́на внутри неё натяну́лась до предела.

— Разумеется, — сказала она твёрдо. — Должен быть чёткий план. И, возможно, стоит уже сейчас начать готовить народ к переменам.

Королевамать кивнула, впервые за утро глядя на старшую дочь с одобрением.

— Именно. И в этом вопросе нам понадобится помощь лорда Ваэриона.

Имя мага прозвучало как удар колокола. Мираэлла невольно сжала край стола, чувствуя, как нить снова дёргается, предупреждая: сейчас будет что-то важное.

Лорд Ваэрион встал и подошел ближе к королеве, его мант́ия струилась за ним, как тень, а взгляд скользил по залу, будто он считывал не лица, а намерения.

— Ваше величество, — склонил он голову перед королевойматерью. — Я прибыл, как только смог. Есть новости из восточных земель, но, полагаю, сейчас важнее другое.

— Да, — кивнула королевамать. — Мы обсуждаем меры по укреплению магии рода. Вы говорили о ритуале...

Ваэрион чуть помедлил, будто вспоминая собственные слова, сказанные в другом крыле дворца.

— Кровь помнит всё, ваше величество, — произнёс он наконец. — И сомнения, и милосердие. Иногда именно мягкость становится трещиной, через которую утекает сила рода.

Мираэлла вздрогнула. Слова били точно в цель. Алая нить на запястье не просто потеплела — она на секунду стала горячей, обжигая кожу.

В голове у Мираэллы вдруг закрутились старые сказки, которые ей рассказывала няня, пока за окнами бушевала вьюга. Раньше они были про храбрых королей и сияющие мечи, про то, как добро побеждает, если сердце чистое. «Кровь помнит всё», — шептали эти сказки. «Договор с духами гор, жертва ради равновесия». Раньше это звучало как красивая история о героях. Теперь это звучало как приговор. «Если в роду есть слабость... она станет жертвой». Слова Ваэриона эхом отдавались в висках. Неужели всё это время она была не наследницей, а просто самой слабой нитью в этом проклятом узоре?

Она машинально коснулась нити, пытаясь унять жжение, и только потом поняла, что все в зале смотрят на её движение. Это выглядело как жест отчаяния, а не защиты.

— Слабеть? — резко переспросила Лира. — Но разве она не должна передаваться по крови? Разве не в этом сила династии?

— Сила — да, — спокойно ответил Ваэрион. — Но кровь — не только происхождение. Это ещё и воля, и решимость, и готовность жертвовать личным ради общего блага. Если в роду появляются те, кто сомневается в необходимости таких жертв... магия чувствует эту неуверенность. Она тускнеет.

Мираэлла почувствовала, как эти слова бьют прямо в неё.

Ваэрион не смотрел на неё, но казалось, что каждое его слово предназначалось именно ей. Её светлые волосы, её мягкие черты, её привычка сначала чувствовать, а потом действовать — всё это здесь воспринималось как изъян.

— Значит, мы должны стать жёстче, — подытожила Лира, и в её голосе звучало не просто согласие, а предвкушение. — Мы должны показать, что династия не боится принимать трудные решения.

Королевамасть снова кивнула.

— Верно. И первым шагом станет публичное заявление. Мы объявим, что готовимся к ритуалу. Пусть народ знает: мы делаем всё, чтобы защитить королевство.

— Но король ещё жив, — тихо, но отчётливо произнесла Мираэлла. Все взгляды обратились к ней. В зале стало так тихо, что было слышно, как где-то далеко капает вода.

— Простите, ваше величество, — повторила она, глядя прямо на мать. — Но объявлять о ритуале, пока отец жив... разве это не значит заранее признать его поражение?

Королевамасть медленно подняла глаза. В них не было гнева — только ледяной холод.

— Ты путаешь милосердие со слабостью, Мираэлла.

В зале пахло так же, как в той комнате, где она спала: старым воском и металлом. Но здесь этот запах не успокаивал. Здесь он смешивался с тяжёлым ароматом духов Лир и становился удушливым, как погребальный ладан. Мираэлла глубоко вдохнула, пытаясь прогнать дурноту, и голос её

прозвучал твёрже, чем она ожидала: — Он хотел, чтобы мы оставались людьми.

Лира шагнула вперёд, её глаза сверкнули.

— Люди? Да, мы люди. Но мы ещё и правители. А правители не могут позволить себе роскошь быть слабыми. Ты этого не понимаешь, потому что никогда не хотела понять.

— Довольно, — неожиданно резко произнёс лорд Элиан, который до этого момента стоял у дверей, почти сливаясь с тенью. — Княжна высказала своё мнение. Это её право.

Его голос прозвучал ровно, без крика, но в нём была такая стальная твёрдость, что в зале будто похолодало на несколько градусов. Он не повысил голоса, не сделал ни шага вперёд, но сама его поза — прямая спина, чуть развёрнутые плечи, руки, свободно опущенные вдоль тела, но готовые в любой момент прийти в движение, — говорила о готовности защищать.

Королева-мать посмотрела на него так, будто только сейчас заметила его присутствие.

— Капитан, вы забываетесь. — Нет, ваше величество. Я помню свои обязанности. И одна из них — защищать принцессу от несправедливых обвинений. Кроме того, — он чуть наклонил голову, взгляд его стал холодным и оценивающим, как на плацу, — публичное унижение наследницы подрывает авторитет короны. Если народ увидит, что мы грызём друг друга, это будет сигналом для врагов.

Королева-мать на мгновение прищурилась, будто взвешива-

вая его слова не как дерзость, а как холодный военный расчёт. И едва заметно кивнула, принимая не столько его правоту, сколько его полезность.

— Хорошо. Пусть будет так. Но это не отменяет наших планов. Лорд Ваэрион, подготовьте текст объявления. Мы озвучим его сегодня на площади.

Ваэрион снова склонил голову.

— Будет сделано.

Мираэлла чувствовала, как земля уходит изпод ног. Всё происходило слишком быстро, слишком неумолимо. Она хотела посмотреть на Элиана, найти в его взгляде хоть каплю уверенности, но он смотрел только на королевумать — спокойно, твёрдо, как человек, который готов стоять на своём, даже если это будет стоить ему всего.

Когда совет закончился, Лира задержалась у дверей. Она подошла к Мираэлле так близко, что та почувствовала запах её духов — тяжёлый, пряный, как аромат увядающих цветов.

— Знаешь, что хуже всего? — тихо, почти ласково произнесла Лира. — То, что ты действительно веришь, будто можешь что-то изменить. Ты смотришь на всех этими своими честными глазами, и тебе кажется, что правда — это щит. Но правда здесь — это слабость. И рано или поздно она тебя погубит.

С этими словами она улыбнулась — не зло, а как человек, которому искренне жаль того, кто идёт по неверному пути. И ушла, оставив Мираэлле одну с ощущением, что лёд вокруг

неё становится всё толще, а воздуха остаётся всё меньше.

Коридор, по которому шла Лира, с каждым её шагом становился светлее. Здесь не было той вязкой тьмы, что сгустилась возле зала совета. Здесь воздух был сухим, чистым, послушным. Лира шла ровно, не торопясь, позволяя тишине лизать ей пятки, как преданная собака.

Её покои находились в восточном крыле — там, где рассвет первым касался пола, выложенного плитками из белого мрамора. Лира вошла, не дожидаясь слуг, и сама закрыла тяжёлые двери. Замок щёлкнул, отсекая лишние звуки, лишние взгляды, лишние сомнения.

Она сбросила накидку, не глядя, куда та упадёт, и подошла к высокому, в полный рост, зеркалу в раме из чёрного дерева. Но смотрела она не на своё отражение. Она смотрела на тень, что лежала у её ног, густая и плотная, будто отлитая из смолы. Тень не повторяла её движений. Она лежала неподвижно, но в этой неподвижности чувствовалась сила — как у хищника перед прыжком.

Лира чуть склонила голову, и тень ответила тем же — но с задержкой в долю секунды. Словно эхо, которое решило заговорить своим голосом.

— Сегодня всё сложилось как надо, — сказала Лира, и её голос в пустой комнате прозвучал непривычно мягко, почти интимно. — Мать наконец-то перестала колебаться. Ваэрион на нашей стороне. А Мираэлла... она сама себя загоняет в угол. Ей даже помогать не надо.

Тень шевельнулась. Не расплылась, не потянулась — она *подтянулась*, словно разминая застывшие мышцы. И из этой густой черноты прозвучал голос. Не шёпот, не гул, а слова, выточенные из тишины:

— Ты говоришь «наша сторона». Но ты забываешь, кому обязана этой уверенностью.

Голос был низким, вибрирующим, как натянутая струна, по которой провели пальцем. Он не исходил из тени, он *был* тенью.

Лира не вздрогнула. Она лишь чуть приподняла бровь — единственный признак того, что эти слова её задели.

— Я ничего не забываю, — холодно ответила она. — Я помню, что без тебя я бы до сих пор стояла в углу и ждала, пока мне позволят говорить. Но не путай помощь с подчинением.

Тень рассмеялась. Смех не имел звука, но его можно было *почувствовать* — как внезапный сквозняк, который касается кожи там, где не должно быть ветра.

— Подчинение? Нет. Мы заключили сделку, моя дорогая. Ты даёшь мне форму, голос, движение в этом мире. А я даю тебе силу, которой у твоего рода не было веками. Но сделки требуют платы. И плата растёт.

Лира резко повернулась, словно хотела ударить эту тьму взглядом.

— Моя плата — это моя воля. И я не отдам её просто так.

— Твоя воля — это то, что делает меня сильнее, — спо-

койно ответила тень. — Каждый раз, когда ты отказываешься жалеть, когда ты выбираешь долг вместо чувства, когда ты ломаешь чью-то надежду, чтобы укрепить свою власть — я становлюсь плотнее. Я становлюсь реальнее. Скоро наступит момент, когда мне уже не понадобится твоя тень, чтобы ходить по этим коридорам.

На секунду Лира замерла. В её глазах мелькнуло что-то, похожее на страх, но она тут же спрятала его за привычной жёсткой маской.

— Этого не случится. Пока я управляю этим дворцом, здесь будет порядок. А порядок — это свет. Ты — тень. Ты существуешь только потому, что есть свет.

Тень снова шевельнулась, и на этот раз она не просто повторила движение Леры — она *опередила* его. Прежде чем Лира подняла руку, чтобы поправить прядь волос, тень уже подняла свою чёрную руку.

— Порядок из страха, — прошептала тень. — Холод вместо тепла. Жертвы вместо милосердия. Разве это не то, чего я всегда хотел? Ты строишь мир, где мне будет удобно ходить. И однажды ты заметишь, что в нём уже нет места для тебя.

Лира сжала кулаки так, что побелели костяшки.

— Не смей диктовать мне условия.

— Я и не диктую, — голос тени стал почти ласковым, от чего по спине Леры пробежал холодок. — Я просто напоминаю. Ритуал будет громким. Он разобьёт старые печати. И когда магия рода затрещит по швам, когда равновесие рух-

нет... тогда мы увидим, кто на самом деле правит этим королевством.

Лира шагнула вперёд и резко хлопнула ладонью по зеркалу. Звук получился глухим, будто стекло поглотило его целиком.

— Довольно! — рявкнула она. — Сегодня я сделала всё правильно. Я не позволю тебе превращать мои победы в твои планы.

В отражении зеркала на долю секунды её собственные глаза потемнели, став почти чёрными, как сама тень. А потом цвет вернулся. Но Лира этого не заметила.

Тень у её ног тихо вздохнула, и этот вздох прозвучал как обещание:

— Конечно. Сегодня ты победила. Спи. Отдыхай. Завтра тебе понадобятся силы. А я... я просто посижу здесь. Посторожу твой сон.

Лира отвернулась, делая вид, что не слышит. Она подошла к окну и распахнула тяжёлые шторы, впуская в комнату безжалостный дневной свет. Тень с шипением отползла в дальний угол, съёжившись, как обожжённое животное.

Но когда Лира легла в постель и закрыла глаза, она всё равно чувствовала на себе чей-то взгляд. Тяжёлый, внимательный, изучающий. И знала: стоит ей уснуть, и тень снова начнёт шептать.

А в коридоре, далеко от покоев Леры, алая нить на запястье Мираэллы едва заметно вспыхнула, словно уловила

эхо чужого торжества.

Мираэлла всё ещё пыталась унять дрожь в пальцах как вдруг поняла, что сестра ушла не просто так — она уносила с собой часть холода.

Она опустила взгляд на свои руки. Её пальцы казались тонкими и хрупкими, а светлые волосы, выбившиеся из причёски, падали на лицо, словно пытаясь спрятать её от этого холодного зала. Подошел Элиан.

— А что истина, Элиан? Что мы должны жертвовать теми, кто сомневается? Что милосердие — это помеха?

Он помолчал, будто подбирая слова, которые не прозвучали бы как утешение.

— Истина в том, что ты не хочешь причинять боль. Даже тем, кто её причиняет. И в этом дворце это действительно редкость.

Она горько усмехнулась.

— Редкая слабость.

— Редкая сила, — поправил он. — Просто здесь её не умеют ценить.

Из коридора донёсся звук шагов — чётких, уверенных. Мираэлла обернулась и увидела, как из тени выходит ее старый наставник. На его лице играла привычная лёгкая улыбка, но в глазах читалось что-то серьёзное, почти тревожное.

— Доброе утро, — произнёс он, слегка склонив голову. — Или, возможно, не такое уж и доброе. Я слышал, что здесь было жарко.

— Достаточно, — коротко ответил Элиан, не скрывая настороженности. Его пальцы чуть сжались, будто он мысленно проверял, на месте ли клинок, хотя оружия при нём сейчас не было.

Наставник не обиделся. Он просто кивнул, признавая право капитана на недоверие.

— Понимаю. Но я пришёл не затем, чтобы усложнять. Я пришёл предупредить.

— О чём? — спросила Мираэлла, чувствуя, как алая нить снова шевелится, будто пробуя воздух на вкус.

— О том, что объявление о ритуале — это не просто слова. Это сигнал. Для тех, кто ждёт перемен. И для тех, кто хочет ими воспользоваться.

— Ты думаешь, будет бунт? — тихо спросила Мираэлла.

— Думаю, будет движение. — Тень всегда тянется к свету, когда свет становится слишком ярким. А ритуал... он будет очень ярким светом.

Элиан нахмурился, и эта хмурость не была показной: в его глазах мелькнуло то самое выражение, с которым он оценивал поле боя — быстро, точно, без лишних эмоций.

— Что ты предлагаешь?

Наставник чуть пожал плечами.

— Пока ничего. Просто будьте настороже. И... если понадобится помощь, вы знаете, где меня найти.

Он снова улыбнулся, но на этот раз улыбка не коснулась его глаз. И ушёл, оставив после себя ощущение, что мир во-

круг них только что стал немного опаснее.

Мираэлла посмотрела на свою руку. Алая нить светилась ровным, спокойным светом, будто говоря: «Ты не одна. Но путь будет трудным».

Её светлые локоны скользнули по плечу, когда она чуть наклонила голову, собираясь с мыслями. В этом движении было что-то почти детское — желание спрятаться, уткнуться лицом в ладони и не видеть всего этого. Но она не могла себе этого позволить.

— Нам нужно узнать больше об этом ритуале, — тихо сказала она, поднимая глаза на Элиана. — О том, что он делает. И о том, кто на самом деле его хочет.

Элиан кивнул, и в его взгляде она увидела то, что ей сейчас было нужно больше всего: твёрдое обещание, что он будет рядом.

— Узнаем, — сказал он. — Даже если для этого придётся заглянуть в такие места, куда никто не ходит.

Они вышли в коридор, и тяжёлые двери зала совета закрылись за ними с глухим, окончательным стуком.

А в другом крыле дворца шторы в покоях Лир уже были распахнуты, и безжалостный дневной свет выгонял тени в углы. Но Лира всё равно чувствовала на себе чей-то взгляд.

Здесь, в полумраке, где свет факелов не доставал до дальних стен, что-то шевельнулось. Не просто тень, а тонкая серебристая пыль — та самая, что Мираэлла видела у дверей покоев королевской матери. Она медленно собиралась в узор,

похожий на трещину в замёрзшем стекле.

Элиан замер, рука метнулась к поясу, где обычно висел клинок. Он напрягся, всматриваясь в темноту. — Слышишь? — прошептал он. Мираэлла задержала дыхание. И в этой звенящей тишине она услышала не шаги, а тихий, едва уловимый звон. Будто кто-то очень далеко разбил ещё одно зеркало.

Алая нить на её запястье вспыхнула ледяным огнём и тут же затихла. И в этой внезапной тишине Мираэлла услышала не звон разбитого стекла, а другой звук — тихий, далёкий, но такой знакомый: слабый, неровный стук сердца, которое билось всё медленнее.

Её отец.

И прежде чем этот звук успел раствориться в гулком дыхании дворца, перед глазами на долю мгновения встала чужая комната — не парадные покои, а тесная, низкая келья в восточном крыле, куда редко ступала нога придворного. В ней пахло озоном и старым пергаментом, воздух был густым, будто пропитанным застывшими заклинаниями.

Лорд Ваэрион стоял у каменного стола, склонившись над развёрнутым свитком. Его пальцы, длинные и бледные, скользили по строкам, выводя на полях тонкие, угловатые пометки. На краю стола тускло поблёскивал осколок зеркала — такой же, какой Мираэлла видела у дверей покоев королевой матери. Серебристая пыль кружилась вокруг него, как живой туман, и оседала на пергаменте, смешиваясь с черни-

лами.

Ваэрион на секунду поднял голову, будто почувствовал чужой взгляд. Его глаза, обычно холодные и непроницаемые, сейчас казались почти чёрными, как провалы в пустоту. Он не улыбнулся. Не нахмурился. Просто задержал этот взгляд, словно примеряя его к чьему-то будущему.

А потом вспышка погасла так же внезапно, как и вспыхнула.

Мираэлла моргнула, и перед ней снова был знакомый коридор: неровный свет факелов, шершавый камень стен, напряжённая фигура Элиана рядом. Но в груди остался холодок, будто она только что заглянула за край дозволенного.

— Ты в порядке? — тихо спросил Элиан, наклоняясь к ней.

Она хотела ответить «да», но вместо этого сжала пальцы в кулак, чувствуя, как под кожей всё ещё дрожит алая нить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.